

Пожар Москвы

В 11 часов вечера мы услышали крики, поднимавшиеся в садах: это наши солдаты отнимали у женщин их добро — их шали, их серьги... Мы вышли, чтобы прекратить грабеж. На улицах можно было видеть от 2 до 3 тысяч женщин, стоявших группами с детьми на руках. Они смотрели на ужасы пожара, но я не видел, чтобы хоть одна из них проливала слезы. 16 сентября император вынужден был удалиться из Москвы и устроиться в 4 верстах в Петровском замке. Армия также вышла из города и оставила его беззащитным против грабежей и пожаров. В Петровском император провел четыре дня, дожидаясь, пока в Москве не прекратится огонь. Он вернулся туда 20 сентября и снова занял нетронутый пожаром Кремль. Большой штаб его поселен был в Кремле, малый штаб, к которому я принадлежал, помещился около заграждений, недалеко от Кремля. Я с двумя своими товарищами назначен был адъютантом к одному штабному полковнику, которому поручено было эвакуирование госпиталя. Мы, все четверо, со всеми своими слугами (у одного только полковника их было трое) и лошадьми поселились в доме одной княгини. Полковник умел хорошо распоряжаться. Он посылал нас по госпиталям, но сам туда не заглядывал; он предпочитал оставаться дома и устраивать свои собственные дела. По вечерам полковник уходил в сопровождении своих трех слуг, запасавшихся свечами; узнав, что в церквах образа выступают рельефами на серебряных пластинках, он шел туда, приказывал снимать иконы, потом всех святых подвергал плавке и обращал их в простые слитки. Свое украденное

добро он за банковые билеты продавал евреям. Это был грубый человек и притом самой непривлекательной внешности. Мы имели в своем распоряжении тысячи бутылок бордо, шампанского, тысячи фунтов сахара. Каждый вечер княгиня приказывала приносить нам четыре бутылки хорошего вина и сахару. Ее погреба были полны. Она часто нас навещала и говорила с нами хорошим французским языком. Однажды вечером полковник стал показывать нам свои покупки и свои хищения (обыкновенно он куда-нибудь уходил в это время со своими слугами). Показал между прочим и приобретенные им чудные меха сибирских лисиц. Я имел неосторожность показать, в свою очередь, свой соболий мех, и он потребовал от меня, чтобы я обменялся на шкуру сибирской лисы. Пришлось уступить, так как я боялся его мстительности. Он имел варварство отнять этот мех у меня только затем, чтобы продать его принцу Мюрату за 3000 франков. Этот грабитель церковей позорил имя француза. Я помню, как потом он умер недалеко от Вильны, не перенес морозов. Бог наказал его. Слуги полковника сейчас же набросились на его тело, чтобы опустошить его карманы. Моя тяжелая служба кончилась, и несколько дней после этого я отдыхал. Генерал сказал мне: «Я оставляю вас при себе, больше вы меня не покинете, обедать вы будете за моим столом. Вы довольно уже помучались при очистке госпиталей. Отдохните». Приятно было состоять при таком генерале; только одна была у меня забота — доставить корм своим лошадям, а затем приходилось похлопотать о столе. Обед генерала был на 12 кувертов, а так как его адъютант был немного ленив, то я сказал ему. «Не хлопчите больше, я озабочусь».

В дом притекало все необходимое, у нас было достаточно провизии, чтобы провести здесь зиму, чтобы прокормить и себя и своих лошадей.

Куанье